

Е. В. Федюкина

**Святые Западной Руси времен
преподобного Сергия**

Elpis 17, 59-64

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Святые Западной Руси времен преподобного Сергия

Е. В. Федюкина

Государственная Академия Славянской Культуры, Факультет Филологии

Москва, Россия

ladperezvon@gmail.com

Е. В. Федюкина, *The Saints Of Western Russia from the epoch of Sergius of Radonezh*, Elpis 17 2015: 59-64.

Е. В. Федюкина, *Święci Zachodniej Rosji w czasach św. Sergiusza*, Elpis 17 2015: 59-64.

Abstract: The peculiarity of historical and cultural development of Western Russia is caused by the long-term vicinity of conquering countries, such as Poland and Lithuania, and also by the influence of uniatic aspiration or specific forces. Author uses the name of Western Russia for marking the habitation area of modern Belorussians' ancestors and partly Galician-Volhynian Russia, i.e. modern North-Western Ukraine. The direct narration heroes were the saints grown by the people of White Russia. These saints are correlated with the epoch of Sergius of Radonezh. Ethnically they were the representatives of both Russian and Lithuanian people. The article touches on the problem of choosing Lithuania its religion and its impact on the fate of Orthodox men of faith. The author considers ministering the truth and Church service coupled with true enlightenment to be essential feature of Western Russian sacredness.

Streszczenie: Specyfika rozwoju historyczno-kulturowego Rusi Zachodniej uwarunkowana jest sąsiedztwem z ukierunkowanymi zaborczo wobec niej Polską a Litwą, jak również wpływem ówczesnych dążeń unickich. Autor używa nazwy Ruś Zachodnia na oznaczenie regionu zamieszkania przodków współczesnych Białorusinów oraz po części ludności Rusi Halicko-Wołyńskiej, czyli współczesnej północno-zachodniej Ukrainy. Jako bezpośredni bohaterowie występują tu święci, których wyłonił naród Białej Rusi w epoce chronologicznie skorelowanej z okresem życia św. Sergiusza z Radonieża. Pod względem etnicznym byli to przedstawiciele tak Rusinów (szerzej, Słowian), jak i Litwinów. W artykule jest poruszany problem wyboru wiary przez Litwę, poprzez jego wpływy na losy prawosławnych świętych. Wśród nieodzownych cech świętości Rusi Zachodniej autor wymienia służbę prawdzie i Cerkwi, którym towarzyszyły wysokie dążenia oświeceniowe.

Аннотация: Специфика историко-культурного развития Западной Руси обусловлена длительным соседством с народами-завоевателями Польшей и Литвой, а также воздействием униатских устремлений определенных сил. Автор пользуется названием Западная Русь для обозначения ареала проживания предков современного белорусского народа и отчасти Галицко-Волынской Руси, т.е. современной северо-западной Украины. Непосредственными героями повествования стали святые, которых взрастил народ Белой Руси, соотносимые с эпохой преподобного Сергия Радонежского. Этнически, это были представители как русского, так и литовского народов. В статье затрагивается проблема выбора Литвой веры и ее влияние на судьбы православных подвижников. Неотъемлемыми чертами западнорусской святости автор считает служение правде и служение Церкви в сочетании с истинной просвещенностью.

Keywords: Western Russia, sacredness, confessional situation, the choice of religion, Lithuanian and Galician metropolises, Vilnius martyrs, Saint Sergius of Radonezh, feat, Metropolitan Cyprian

Słowa kluczowe: Ruś Zachodnia, świętość, sytuacja wyznaniowa, wybór wiary, Litewska i Halicka metropolie, męczennicy wileńscy, święty Sergiusz z Radonieża, poświęcenie, metropolita Cyprian

Ключевые слова: Западная Русь, святость, конфессиональная ситуация, выбор веры, митрополии Литовская и Галицкая, виленские мученики, преподобный Сергий Радонежский, подвиг, митрополит Киприан

Церковь земная есть, как известно, церковь воинствующая. Изучая историю русской церкви, постигаешь драматизм ее существования, золотым сечением которого является святость. Преподобный Сергий, далеко не первый русский святой, однако, именно от его личности исходит тот мощный импульс света, в лучах которого ближе и отчетливее становятся судьбы менее известных подвижников.

Святые Западной Руси, о которых пойдет речь, подвизались в XIII и XIV вв. на рубежах русской земли, там, где история Православия, граничащего с католицизмом Польши и язычеством Литвы, была наиболее напряженной и трудной.

Западная Русь – не вполне точное историческое название, которым сейчас редко пользуются ученые. Другое дело Юго-Западная Русь, под которой обычно понимаются земли Киевской Руси. Волынская земля (в определенные периоды становившаяся Галицко-Волынской Русью) – это пограничье между ними. Более того, существует своего рода терминологическое смешение, вызванное тем, что земли Западной Руси после распада единства русской митрополии, т.е. начиная с середины 15 в. и до самой Переяславской Рады, канонически входили в состав Митрополии Юго-Западной Руси.

Действительно, название Западная Русь – понятие неоднородное: ее земли, граничащие с народами-заво-

евателями Польшей и Литвой то и дело меняли своих хозяев и, что самое для них тяжелое, постоянно находились в фокусе униатских устремлений Рима, приведших, в конце концов, к в конце XVI века к Брестской унии. Тем не менее, мы остаемся при названии Западная Русь, пользуясь им для обозначения ареала проживания предков современного белорусского народа и отчасти Галицко-Волынской Руси, т.е. современной северо-западной Украины. В связи с этим непосредственными героями нашего повествования станут святые, которых взрастил многострадальный народ Белой Руси (в широком смысле), соотносимые с эпохой преп. Сергия Радонежского. Уже в наше время они вошли в состав Собора святых Белорусских (с 1984 г.) и святых Галицких (с 2001). Этнически, это были представители как русского, так и литовского народов.

Заглянем предварительно в XIII в. Самым выдающимся из волынян этого времени, несомненно, можно считать Петра, митрополита Московского, уроженца Волыни и буквально волей случая ставшего митрополитом не Галицким, как планировалось, а московским. С 1325 г., как известно, владыка переехал в Москву, куда перенес кафедру его преемник, митрополит Феоноста. В это время отрок Сергей, предположительно, еще проживал с родителями в ростовской земле, но, быть может, уже имел то дивное видение, которое так сказочно запечатлел Михаил Нестеров. Нетрудно уловить параллель из детских лет жизни митрополита с преп. Сергием, когда лишь явление некоего светлого мужа отверзло отроку Петру разум и избавило его от косноязычия. В зрелом возрасте, уже на посту митрополита, как впоследствии и преподобный, он склонял правителей к миролюбию, примиряя непрестанно ссорившихся князей московского и тверского. Кстати, тревожили владыку не только татары – его родная Волынь была отторгнута в те времена от Руси завоевательным литовским князем Гедимином и вошла в литовское княжество на долгие столетия (память митрополита празднуется ныне как в составе святителей московских, так и святых галицкой земли).

Первым литовцем, тайно принявшим христианство, был старший современник Петра преп. Елисей Лавришевский. Сын литовского князя Тройната, он бежал с княжеского двора в пустынное место, где и основал обитель, о которой сохранилось мало сведений, но одно весьма примечательное. Около 1329 г., по определению исследователей, специально для монастыря было написано Евангелие, названное Лавришевским [16, 32]. Единственный экземпляр его, насчитывающий 183 листа, хранится ныне в библиотеке Чарторьжских в Кракове¹. Название Лавришево связывают с тем, что некогда здесь была целая лавра. В Ипатьевской летописи обитель упоминается как монастырь «на реке Неман между Литвою и Новым Городком», т.е. современным Новогрудком в Белоруссии. А вообще-то в средневековье эти места в пойме Не-

мана звались Черной Русью. Память о Елисее укрепила первоначально благодаря печальному факту. Его убил одержимый бесом послушник, который, однако, прикоснувшись к телу подвижника, тут же исцелился. Елисей, как оказалось, обладал не только даром изгнания бесов. Силою бессмертного своего духа он противостал татарам спустя два с половиной столетия после своей гибели (кончина, предположительно, 1250 год). В 1505 г., когда татары хотели разорить Лавришевский монастырь, весь двор им показался заполненным отборной конницей (хотя в монастыре коней вообще не держали), после чего они в страхе бежали. Этот случай, кстати, и послужил поводом для канонизации святого, наступившей в том же, 16-м веке. Любопытно, что до сих пор церковный стиль жизни свойствен для местного населения, хотя в 20-м веке от самого монастыря ничего не осталось: в первую мировую здесь проходила линия фронта. С конца прошлого века Лавришевский монастырь начал возрождаться. Ориентиром при восстановлении на сплошьяком заросшей сосняком местности стал куст сирени, кем-то посаженный на месте алтаря монастырского храма.

Другой подвижник XIII в. святитель Симеон, епископ полоцкий (Полоцк – это непосредственно Белая Русь), после нападения литовцев, не мог оставаться в городе и переехал в Тверь, став первым тверским епископом. Подобно Сергию, он был прямого и открытого нрава, чем снискал уважение сильных мира сего. В историю города он вошел как строитель Преображенского собора, восстановленного впоследствии как Спасо-Преображенский и взорванного в 1935 г. Почитание святителя началось непосредственно после его смерти.

С конца XIII – первой половины XIV в. на Литву, благодаря западнорусскому населению, всё более проникало христианство. Этот период истории Западной Руси детально исследован польским православным ученым А. Мироновичем. Любопытно приводимое в его книге свидетельство секретаря великого князя литовского Александра, сообщавшего в письме к папе Александру VI, что в период принятия Ягайлой крещения на одного язычника литовца приходилось сто православных христиан [15, 137]. Примечательно, что первая Литовская митрополия была создана еще в 1299 г., по инициативе литовских князей, на все более расширяющихся за счет побед над Русью литовских землях. Правда, просуществовала она тогда недолго, всего в течение 30 лет [15, 106], однако впоследствии неоднократно возобновлялась. Благословение на открытие митрополии было получено от патриарха Иоанна XII в правление императора Андроника II Палеолога².

² Именно этот Андроник отверг Лионскую унию (1274) и стремился к расширению влияния Византийской церкви на русских землях. Однако сколько-нибудь значимой миссионерской деятельности в то время литовские митрополиты не могли развернуть в связи с языческим характером правления литовских князей и активной деятельности на этих землях ордена францисканцев. Вскоре после отречения императора от престола (1228) первая Литовская митрополия перестала существовать (1330).

¹ № 2097.

Когда идет речь о святых Западнорусских земель, необходимо понимание нескольких факторов, обусловивших драматизм конфессиональной ситуации на этих землях. И дело не только в том, что агрессивность проявляли то польский король, то литовские князья, так что границы немилосердно передвигались то в одну, то в другую сторону. Удаленность митрополита Киевского, а фактически Владимирского (впоследствии Московского) от этих земель не давала возможности реально управлять отдаленными епархиями и окормлять западнорусскую паству. Были обстоятельства и политического характера, обусловленные интересами местных удельных князей, как западнорусских, так и литовских. На них обычно ссылаются в исторических исследованиях. Однако, при этом часто забывают об одном очень важном моменте, касающемся будущего крещения Литвы. Кому Литва, тогда еще языческая, отдаст свое предпочтение: польскому ли королю с его папским западным обрядом или более близкому и знакомому православию, благодаря, в частности, династическим бракам с западнорусскими князьями? Здесь, действительно, сходились нити, которые пытались задействовать с обеих сторон. Итог известен. Папство одолело. Однако, это не мешает ныне рассматривать те события именно в перспективе выбора веры Литвой. Во всяком случае, для нас важно то, что нелегкие судьбы православия на Западной Руси сказались и на судьбах ее святых.

Для преп. Сергия этап его жизни с 1342 г., времени основания обители до 1354 г., начала его игуменства, связанный с усилением значения Троицкого монастыря, был, несомненно, знаменателен. На Западной же Руси в это время конфессиональная ситуация была очень подвижной. В эти годы на шесть лет была возобновлена деятельность Галицкой митрополии (1341-1347), очевидно, благодаря договоренности местных галицких бояр с польским королем Казимиром [15, 121]. Возобновление данной митрополии пришлось на время правления константинопольского патриарха яркого антипаламиста Ионна Калеки. Когда же в 1347 г. императорский престол занял паламист, будущий монах-летописец Иоанн Кантакузин, галицкая митрополия была распущена, епархии же ее составляющие, были переданы во введение митрополиту киевскому как патриаршему экзарху всея Руси. Такое решение объясняют ходатайством митрополита киевского Феоноста и князя Симеона Гордого, щедро поддержавших восстановление Софии Цареградской [15, 505-506]. Именно с этого года киевские митрополиты начали употреблять титул «митрополитов киевских и всея Руси».

Как раз в это время литовские князья начинают хлопотать о возобновлении Литовской митрополии. Хотя Литва в то время оставалась «вне культурно-религиозной общности европейских стран» [9, 36], в государственных кругах с очевидностью осознавалась потребность принятия христианства на официальном уровне. Были среди литовских князей и такие, кото-

рым не по нутру приходились поползновения папы с польским королем окрестить Литву по католическому обряду, тем более, что Галицкая митрополия причислила к себе епархии туровскую, владимирскую и, предположительно, смоленскую, земли которых Литва считала своими. Во главе этой инициативы стал ольгердов брат князь Любарт-Димитрий. На Галицкой же Руси в это время отмечается усиленное вторжение католицизма, увенчавшееся строительством кафедрального католического собора во Львове и прибытием солидной группы католических миссионеров [11, 26]. Политика политикой, но без собственного церковного управления окормлять паству было, действительно, сложно.

В 1354 г., т.е. в год, когда Сергей Радонежский становится игуменом, а константинопольский патриарх официально утверждает резиденцию киевского митрополита во Владимире на Клязьме, в Литве возобновляется своя Литовская митрополия. Константинопольский патриарх Филофей пошел навстречу литовскому князю Ольгерду, поставив митрополита Феодорита на Литовскую митрополию. После его недолгого правления митрополичий престол занимает Роман, родной брат второй жены Ольгерда Юлиании Тверской.

Не в наших задачах обсуждать перипетии начавшегося канонического спора между митрополитами Романом и Алексием, заметим лишь, что одной из причин тому было отсутствие четкого территориального разделения между митрополиями³. После церковно-судебного рассмотрения спора в Константинополе (1355-1356 гг.) Роману достались епископии в Новогрудке, Полоцке и Брянске. Как бы то ни было, придется согласиться с Антонием Мироновичем, что само существование этого спора, увы, не способствовало выбору Ольгердом православия в качестве официальной религии для своего государства [15, 131].

Наглядной иллюстрацией непростой конфессиональной ситуации на Западной Руси, несколько предшествующий упомянутым событиям, может стать история, приключившаяся с братьями при дворе литовского князя Ольгерда. Виленские мученики Атоний, Иоанн и Евстафий были старшими современниками преп. Сергия. Пусть судьба их внешне мало была схожа с жизнью Сергия, однако внутренних параллелей нельзя не подметить.

Согласно летописи братья назывались Круглец и Нежило. Подвизались они как служилые люди при ольгердовском дворе, по некоторым версиям, являясь Ольгерду Гедыминовичу двоюродными братьями. Ольгерд был язычником, мать же и жена его были из русских православных родов. Именно в правление этого литовца, отца родоначальника ягеллонской династии Владислава Ягайлы, и развернулись драматиче-

³ Патриарший синод в Константинополе все же занялся разделением границ между Московской и Литовской митрополиями в 1361 г. Однако при этом Синод не принял решения по вопросу пяти волыньских епархий. См.: Mironowicz A. Ibidem. S. 134.

ские события мученичества братьев и последовавшего примеру христианского подвига их двоюродного брата по прозвищу Кумец. Крещение с христианскими именами: Антоний, Иоанн и Евстафий они приняли благодаря первой жене Ольгерда, витебской княжне Марии Ярославне и ее духовнику Нестору. Поначалу ничто не предвещало трагедию. Братья служили, соблюдая свою веру, не ссорясь с литовскими придворными язычниками. При этом они активно распространяли христианскую веру среди литовских жемайтов. После смерти Марии языческое окружение активизировалось. В угоду жрецам Ольгерд однажды потребовал от братьев соблюдения языческого обычая – принесения жертвы Перуну. Получив отказ, он приказал заключить братьев темницу. По прошествии года старший из братьев, Иоанн, не выдержал и согласился принять условия князя. Как мы помним, слабину пришлось дать в личую годину и Сергиеву брату Стефану. Иоанн, однако, возобновив службу у князя, в глубине души восторгался братом и не порывал с христианской верой. По наущению всё тех же жрецов Ольгерд все же решился прибегнуть к казни братьев-христиан. В начале казни Антония, повесив на дубе на окраине Вильны, рассчитывая что этим устроят менее стойкого брата Иоанна. Однако, по истечении десяти дней, Иоанн также мужественно отдал душу Богу, как и его брат, будучи повешенным на том же дереве. Такая же судьба ожидала их двоюродного брата Кумца (Евстафия), которого подвергли жестоким пыткам из-за отказа принимать мясную пищу (следы этих пыток и сейчас можно распознать по вывернутой левой стопе мученика), а затем также повесили. Тело мученика Евстафия было оставлено на дереве на съедение хищным зверям и птицам, но «по воле Божией ни один зверь, ни одна птица не прикоснулись к нему» – хищникам воспрепятствовал облачный столп, окутавший тело мученика [7, 12]. Произошло это, предположительно, в 1347 г. Эта жестокость, впрочем, не помешала Ольгерду через два года жениться на православной дочери тверского князя Иулиании Александровне и окрестить в православии детей от нового брака.

Был ли крещен сам Ольгерд, до сих пор не выяснено. Русские летописи, однако, сообщают, что он принял крещение как раз по уговорам второй жены. Княжеский двор превратился постепенно в оплот православия. Как гласит предание, в этот период местные христиане уговорили Ольгерда отдать им в распоряжение дубовую рощу на холме, где казнили братьев. Вняв уговорам жены литовский князь согласился. Вот и получилось, что именно на месте той страшной дубовой рощи, из того же дуба, что стал, как повествуется в житии [2, 218], орудием казни, была срублена первая деревянная церковь Троицы в Литве. Примерно в это же время состоялась официальная канонизация мучеников в Константинополе, хотя есть версия, что произойти она могла и в Москве. Сейчас трудно определить, кем были братья, славянами или литовцами. Имена звучат как славянские, однако принятие ими

христианства под воздействием священника, прибывшего с православной женой князя, делает возможным и предположение о их литовском происхождении⁴.

Мощи братьев пребывали мирно в Троицкой церкви до самого униатского светопреставления, когда православные, не принявшие унии, были вынуждены перенести их в собор Свято-Духова монастыря, в коем они пребывают до сих пор. Любопытно, что мощи во время первой мировой оказались в Москве (1915 г.), в Донском монастыре [14, 13]. В 1946 г. они были переданы Церкви. Ныне частички мощей пребывают как в Минске, так и в двух православных храмах Польши: в Белостоке и в Пасынках. С иконой св. виленских мучеников в Белоруссии совершаются крестные ходы.

Шесть веков назад Литва все же сделала свой выбор. Кривская уния (1385) и брак с польской королевой Ядвигой, а затем и Городельский сейм (1413) оторвали Литву «от усвоенных византийских традиций» и ввели ее «в течение латинской цивилизации» [8, 151]. Поэтому не случайно, что литовцам, вступающим на путь православной веры, (напомним, что официально Литва приняла крещение лишь в конце 14 в., да и то по католическому обряду) пришлось пострадать не единожды. Собственно, они, как правило, разделяли судьбу мучеников за веру, как виленские братья, либо преподобных, как упомянутый Елисей Лавришевский, преп. Харитина.

Женский подвиг, кстати, был свойствен западнорусским землям. Вспомним, хотя бы, подвиг преп. Ефросинии Полоцкой, в миру Предславы, наследницы Владимира Красно Солнышко и Рогнеды, уже в 12в. ставшей основательницей женского монашества на этих землях и прославленной вскоре после кончины. Сродная ей по духу литовская княгиня Харитина (иначе Кристина – «милующая» - мирское имя ее осталось тайной), вынужденная бежать со своими православными сородичами из-за нестроений из Литвы в Новгород стала там игуменьей Петропавловского монастыря на Синичьей горе, где и скончалась, скрывая от всех свои духовные подвиги. Эта одна из самых сокровенных святых, хотя годы жизни известны (1221-1287): существуют, как отмечает польский православный агиограф Ярослав Харкевич, три версии ее жития [10, 31], не сохранилась и официальная дата ее канонизации.

Святая преп. Харитина, княжна Литовская, жила еще в 13 в. Современником же преп. Сергия, был выдающийся иерарх с внушительным титулом «митрополит Киевский и Литовский, митрополит Московский, всея Руси чудотворец». Происходивший, предположительно, из заслуженного православного южнославянского рода Цамблаков (Цемблаков), монах и дипломат, он был фигурой крупного исторического и духовного масштаба. Впоследствии именно благодаря ему были прославлены виленские мученики и, что немаловажно для нас, именно он был поставлен

⁴ Ср.: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life6441.htm>

константинопольским патриархом Филофеем во главе митрополии Великого Княжества Литовского. Но хотя, как утверждают некоторые историки Церкви, святитель стоял за самостоятельность данной митрополии, именно Киприану было суждено возглавить расчлененные в государственном отношении митрополии Литовскую и Киевскую (т.е. Московскую) после затянувшегося периода церковной смуты и стать практически объединителем русских земель. В 1390 г. году он прибыл в Москву из Константинополя как митрополит Киевский и всея Руси. Преп. Сергию тогда оставалось жить еще два года. Историки свидетельствуют, что с митрополитом Киприаном Сергия «связывали добрые личные отношения» и относился преподобный к митрополиту как к человеку, вполне достойному возглавить Русскую Церковь после смерти святителя Алексия [3, 120-121].

Действительно, о владыке отзываются как о образованном и мудром руководителе. Даже в те годы, когда была уже заключена персональная уния между Польшей и Литвой (1385), он поддерживал связь с литовскими православными епархиями, благодаря неплохим отношениям с литовским князьями и своим дипломатическим обращением. Подвизаясь в роли агиографа, он создал житие митрополита Петра, своего вольнского предшественника, с упоминания о котором мы начинали повествование. Для москвичей память о митрополите особенно ценна тем, что во время нашествия Тамерлана он благословил перенесение из Владимира в Москву крестным ходом чудотворной Владимирской иконы Божией Матери. Именно святитель Киприан установил ежегодное празднование сретения иконы 26 августа, основав на том месте церковь и Сретенский монастырь, до сих пор являющийся крупным центром духовной жизни русской столицы. Канонизация митрополита наступила в конце 15 в., когда при перестройке Успенского собора Московского Кремля под спудом были обнаружены его нетленные мощи.

Однако, просматривая список Собора Белорусских святых, установленного Белорусской Церковью в 1984 г., мы не увидим там митрополита Киприана. Почему? Вопрос риторический. Между виленскими мучениками и преп. Федором Острожским, «святым» представителем известной православной династии Острожских в Речи Посполитой, святых Западной Руси сергиевской эпохи в этом списке нет. Полтора века паузы. Хотелось бы, чтобы это пустое место занял тот, кто прославил тех самых виленских мучеников и кому, думается, оно по праву принадлежит. Любопытно, что митрополит Киприан был включен в 2001 г. в собор Галицких святых, хотя его связь с литовскими,

т.е. фактически белорусскими землями имеет более прочную духовно-историческую привязку.

Деятельность митрополита Киприана можно рассматривать и как органичное звено в преемственности просветительской эстафеты западнорусских святых. Цепочка опять-таки тянется от преп. Ефросинии Полоцкой, первой женщины на Руси, занимавшейся переписыванием священных книг, которые она отдавала нуждающимся [1, 4]. Продолжают перечень святители второй половины 12 в.: митр. Климент Смолятич, выдающийся книжник и философ и «русский златоуст», свят. Кирилл, епископ Туровский, крупнейший церковный писатель древней Руси. О первом из них свят. Макарий сказал, что до него таких не было на Руси [5, 289], а о втором, что был тот «учителен зело и хитр учению божественных книг» [4, 190]. После иссушивших Русь испытаний татарского ига о митрополите Киприане в 14 в. можно также говорить как об одном из образованнейших людей своего времени. Собирая русские летописи, переписывая и оправляя книги, Киприан занимался, в частности, переводами, став автором нового перевода с греческого «Кормчей» и текстов нескольких служб, в т.ч. митрополиту Петру [10, 41]. Эстафету образованности он передал будущим поколениям западных русов, которые сквозь грядущие смутные века униатского раскола пронесли светоч православной образованности. Новыми светильниками просвещения на Западной Руси стали просветитель-гуманист Франциск Скорина, а также подвижники (в т.ч. прославленные в лике святых): гордость белорусской земли преподобномученик Афанасий Брестский, выдающийся церковный и общественный деятель, святитель Георгий Конисский, о котором Пушкин отзывался как «об одном из самых достопамятных мужей XVIII в.», духовный поэт и проповедник о. Хрисанф Сакович, а затем и борцы за «святую Русь» в мятежном 20-м веке.

Служение правде и служение Церкви в сочетании с истинной просвещенностью, несомненно, можно считать, неотъемлемыми чертами западнорусской святости. Именно на этой земле рождались замечательные просветители, агиографы и духовные писатели. Это было связано, в частности, с исключительной ролью слова на этих землях, т.к. другие области духовной жизни, в частности храмостроительство, жестко ограничивались инославными правителями.

Соборный характер Русской церкви подчеркивают и усиливают соборные прославления святых, представшие быть редкостью в последние десятилетия. Думается, что митр. Киприан, несомненно, явился бы достойным украшением Собора Белорусских святых как символ преодоления разобщенности русских земель.

Литература

- Дивен Бог во святых своих. Преподобная Ефросиния Полоцкая: житие современные чудеса.* – 71 с.
- Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Апрель. Москва: Синодальная типография, 1906. – 516 с.
- Кучкин В. *Святитель Алексей, Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы.* // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. – 353 с.
- Полное собрание русских летописей.* Т.1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. — 267 с.
- Полное собрание русских летописей.* Т.2. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843.— 377 с.
- Радзюкевич А. *Свет с Востока.* Белосток, 2005. С. 34.
- Святые мученики виленские Антоний, Иоанн, Евстафий (в пересказе Левиун Л.В.).* Минск: БПЦ, 2014. – 16 с.
- Скурат К.Е. *История Поместных Православных Церквей.* В 2-х т. Т. 2. М.: «Русские огни», 1994. – 320 с.
- Шабильдо Ф.М. *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского.* Киев. Наукова думка, 1987. – 181 с.
- Charkiewicz J. *Święci Ziemi Białoruskiej.* Hajnówka, 2006. – 160 s.
- Fijałek J. *Biskupstwa greckie w ziemiach ruskich od połowy XIV w.* // Kwartalnik historyczny. R XI. Lwów, 1897.
- Fijałek J. *Kościół rzymskokatolicki na Litwie* // Chrystianizacja Litwy. Kraków, 1987.
- Fijałek J. *Średniowieczne biskupstwa Kościoła wschodniego na Rusi i Litwie na podstawie źródeł greckich* // Kwartalnik historyczny. R X. 1896.
- Klimuk N. *Pod opieką świętych wileńskich* // Przegląd prawosławny 2011. № 16.
- Mironowicz A. *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów.* Białystok, 2003. – 309 s.
- Radziukiewicz A. *Nad Niemnem* // Przegląd prawosławny. 2012. № 11. S. 32.
- <http://drevo-info.ru/articles/14255.html>

Rozmiar artykułu: 0,7 arkusza wydawniczego